

Клецкая Светлана Ильинична

**ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ ДЕЙТЕВТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ
СОЧИНЕННЫХ РЯДОВ ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА
"БЕЛАЯ ГВАРДИЯ")**

В статье делается попытка соотнести сочиненные ряды глаголов-сказуемых с определенным видом действительности (актуальная или виртуальная) в системе художественного текста, на материале романа М. А. Булгакова "Белая гвардия". В центре внимания автора - вопрос о критериях соотнесенности предикатов с видом действительности. В статье также рассмотрена самая немногочисленная группа со смешанными значениями актуальности и виртуальности, содержащая предикаты, передающие пограничное состояние персонажа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 84-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE PROBLEM OF TEXT CHARACTERISTICS: READABILITY, COMPREHENSIBILITY, COMPLEXITY, DIFFICULTY

Kisel'nikov Aleksandr Sergeevich
Kazan State University of Architecture and Engineering
kalejandr@gmail.com

In the article the author's conception of differentiation of four text characteristics (difficulty, comprehensibility, complexity and readability) is presented. The topicality of the work is determined by the existing ambiguity in the interpretation of these terms. The parameters of the text underlie the determination of its characteristics: 1) only quantitative – readability, 2) mainly quantitative – comprehensibility, 3) fully quantitative and qualitative – complexity. The difficulty of the text is intended to take into account the objective parameters of the text and the subjective peculiarities of the reader.

Key words and phrases: difficulty of the text; comprehensibility of the text; readability of the text; the complexity of the text; quantitative and qualitative parameters of the text complexity.

УДК 8; 808.1

Филологические науки

В статье делается попытка соотнести сочиненные ряды глаголов-сказуемых с определенным видом действительности (актуальная или виртуальная) в системе художественного текста, на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия». В центре внимания автора – вопрос о критериях соотнесенности предикатов с видом действительности. В статье также рассмотрена самая немногочисленная группа со смешанными значениями актуальности и виртуальности, содержащая предикаты, передающие пограничное состояние персонажа.

Ключевые слова и фразы: сочиненные ряды глаголов; актуальная и виртуальная действительность; полипредикатные конструкции; моносубъектные парцеллированные конструкции; проза М. А. Булгакова.

Клецкая Светлана Ильинична, к. филол. н.
Южный федеральный университет
kleckaja@inbox.ru

ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СОЧИНЕННЫХ РЯДОВ ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)©

Согласно основным положениям когнитивной лингвистики, использование языка необходимо рассматривать как «переход на общезначимый для данного коллектива код, перевод с “собственного” языка на язык “общепринятой” семантики» [2, с. 11]. На уровне языка художественной литературы подобный переход обычно сопряжен с сохранением в моделируемой писателем ситуации особенностей языкового сознания мастера слова. Именно поэтому оказывается возможным говорить об идиостиле конкретного автора, а, опираясь на совокупность художественных текстов, воссоздать не только психологический портрет писателя, но и основные штрихи, особенности его творческой деятельности. «Субъект художественной деятельности в процессе создания художественного текста, – замечала в связи с этим В. А. Пищальникова, – стремится запечатлеть актуальное для него содержание – личностный смысл» [3, с. 19].

Исходя из такой позиции, художественный текст в известном смысле является «прозрачным» для восприятия – читатель воспринимает не столько текст, сколько языковое сознание самого автора, стоящего за текстом. В результате семантика грамматики и семантика стилистического оформления данной грамматики, «сложенные» вместе, должны рассматриваться как художественное поведение писателя, его художественная картина мира, отражение видения писателем различных сторон действительности.

В рамках данной статьи мы попытаемся проследить, как соотносятся сочиненные ряды глаголов-сказуемых с определенным видом действительности в системе художественного текста. В качестве языкового материала для исследования возьмем роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» как произведение исключительно динамичное (стремительное развитие событий, участие каждого персонажа в этих событиях и переживания разных персонажей, оказавшихся в центре этого великого и страшного водоворота).

Однородный ряд сказуемых из двух и более составляющих называет некое сложное действие или состояние, находящееся в определенном отношении к действительности. Но возникает вопрос – обозначает ли данная конструкция некие действия, производимые персонажем, или она указывает на эмоциональные переживания, на внутреннее состояние действующих лиц. Для ответа на поставленный вопрос разделим изучаемые конструкции на отражающие актуальный и виртуальный мир человека. К актуальному отнесем те, которые называют события, имеющие место в действительности в соответствии с фабулой художественного

текста и подаваемые автором как предмет повествования. Например: «*Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, ... блестел и искрился у золотеньких огней...*» [1, с. 45] Ряд «блестел и искрился» передает состояние с точки зрения восприятия третьим лицом и читателем. Это пример использования автором конструкций со значением актуальности.

Возьмем другой пример: «*Ат! – Мышлаевский махнул рукой. – <...> Приезжает эта лахудра – полковник Щеткин и говорит...*» [Там же, с. 34].

Данный ряд состоит из глагола, называющего движение, и глагола говорения. Особенностью последнего примера является то, что здесь на действие указывается в реплике персонажа. Для нас же такая конструкция интересна, в первую очередь, исключительной эмоциональной насыщенностью и субъективной оценкой событий. Данный пример иллюстрирует использование М. А. Булгаковым конструкций со значением виртуальности действия (действие не происходит перед читателем непосредственно, а о нем говорят как об уже свершемся факте).

В ходе работы с полипредикатными конструкциями выявлено, что у М. А. Булгакова однородных рядов восприятия актуального мира гораздо больше, чем тех, которые носят значение виртуальных фактов. Кроме того, можно выделить немногочисленную группу, где однородные ряды сказуемых совмещают в себе как значение актуального, так и значение виртуального действия. Условно выделим 3 группы. В основе такого деления – характер соотношенности действия с реальностью:

- 1) однородные ряды сказуемых со значением актуальности действия;
- 2) однородные ряды со значением виртуальности;
- 3) смешанная группа, включающая такие полипредикатные конструкции, которые в той или иной степени вбирают в себя оба значения.

Рассмотрим первую группу. Здесь автор напрямую сообщает читателю о каком-либо реально существующем действии или состоянии. Например, описание зимней природы. Исключительная яркость достигается тем, что писатель подчеркивает нераздельную связь природы и времени, тяжелой холодной зимы и страшного поворота судьбы главных персонажей: «*Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дольше, тем хуже*» [Там же, с. 48].

Интересно, что автор в многочисленном ряду использует глаголы разного вида, что, на наш взгляд, подчеркивает протяженность описываемого состояния в природе: «начало мести» – этап начала действия, затем повторяющиеся сказуемые несовершенного вида с метафорическим значением настоящего времени «и метет, и метет» – вносящие значение длительного однообразного состояния и, наконец, последний член однородного ряда «не перестает» подчеркивает бесконечность этого мрачного состояния.

Здесь же можно найти и такой пример: «*На севере воет и воет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли*» [Там же].

Так же, как и в первом примере, мы видим использование повторяющихся сказуемых несовершенного вида. Интересно, что обе приведенные конструкции использованы в одном абзаце. Автор словно нагнетает тяжелое настроение, впечатление безысходности. Последнее предложение абзаца: «*Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистее*» [Там же].

Яркая метафора добавляет мрачности настроению.

Интересно, на наш взгляд, то, что, даже если рассматриваемая конструкция несет в себе абсолютное актуальное значение, то есть автор просто рисует какое-либо состояние, то у Булгакова ярко проявляется авторская субъективная оценка событий. Рассмотрим пример: «*И от этого Николка опять заплакал и ушел из часовни на снег*» [Там же, с. 37].

Однородный ряд «заплакал и ушел» составлен из стилистически нейтральных глаголов, лишенных какой-либо эмоциональной наполненности, но «заплакал» – эмоциональная реакция. Другой пример: «*Дом на Алексеевском спал давно и спал тепло*» [Там же, с. 54].

Используемая тавтология подчеркивает протяженность состояния во времени. Писатель создает настроение покоя и тишины, уюта. При первом рассмотрении, здесь также ряд построен из стилистически нейтральных глаголов. Однако распространители при сказуемых, а также сам прием повтора позволяет, на наш взгляд, говорить об авторской оценке ситуации (в данном примере – умиротворение). Еще более яркая авторская оценка прослеживается в предложении: «*Турбин выслушал мрачно, мрачно дернул щекой и ушел*» [Там же, с. 63].

Велика роль распространителей при сказуемых. Автор говорит читателю о душевном состоянии персонажа, которое нашло отражение в его действиях, жестах. Трехчленный ряд «выслушал, дернул щекой и ушел» называет действие, являющееся проявлением этого настроения, воспринимаемого автором и читателем как объективно существующее в актуальном мире.

Другой пример характеристики, описания участи Турбиных: «*Мать сказала детям: – Живите. А им придется мучиться и умирать*» [Там же, с. 89].

Согласно делению на группы, предложенному нами ранее, этот ряд можно было бы отнести к первой группе, где одно из сказуемых, а именно «придется мучиться» называет внутреннее психическое состояние, а второе – сопровождающее его физическое действие. Сюда же можно отнести такой ряд: «*Карась вытир пятак рюмок и пришел в очень хорошее расположение духа*» [Там же, с. 26].

В данном примере второе сказуемое рисует эмоциональное состояние персонажа как результат предыдущих его действий: «*Все устроено, – ответила Елена и милостиво кивнула, – мы согласны*» [Там же, с. 64]. Или: «*Карась потребовал рюмку для Ванды Михайловны и ей налил*» [Там же, с. 26].

«*В черной клетке тотчас, как взбесилась, закричала птица и засвистала и затарахтела*» [Там же, с. 37].

Приведенный выше однородный трехчленный ряд, включив в себя звукоподражательные глаголы-сказуемые, обозначил некое динамическое событие, лишенное эмоциональности и экспрессивности.

При этом картина удивительно информативна и динамична и как бы расчленяется на несколько этапов. Думается, что отдельно следует сказать о развернутых конструкциях, где представлены сразу несколько рядов однородных сказуемых. Хотя здесь имеется ряд простых предложений, такую конструкцию, в силу ее смысловой целостности, можно назвать единой. Например: «Металась и металась потревоженная дрема. Летела вдоль Днепра. Пролетела мертвые пристани и упала над Подолом» [Там же, с. 76].

Такие конструкции близки к односубъектным парцелированным. Или: «Ночь расцветала. Сонная дрема прошла над городом, мутной белой птицей пронеслась, минуя стороной крик Владимира, упала за Днепром в самую гущу ночи и поплыла вдоль железной дуги. Доплыла до станции Давницы и задержалась над ней» [Там же, с. 74].

Как мы видим, у Булгакова в односубъектных парцелированных конструкциях повторяются одноколенные глаголы «летела», «пролетела», «плыла», «доплыла». Здесь исключительная яркость картины достигается насыщением текста глаголами движения.

Таким образом, полипредикатные конструкции с актуальным значением могут быть экспрессивно нейтральны, могут, наоборот, содержать авторскую оценку происходящего (в том числе за счет актантов). Они могут быть простыми, т.е. состоять из одного ряда, и развернутыми, т.е. вбирать в себя несколько сочиненных рядов сказуемых, рисуя при этом целостную, неделимую в смысловом плане картину. Главное же здесь то, что информация о событиях передается непосредственно от автора к читателю.

Перейдем к той группе конструкций, где информация «поступает» от действующих лиц, от персонажей. Как уже говорилось, таких предложений значительно меньше. Сюда мы отнесли те сочиненные ряды, которые вошли в прямую речь: «Приютите его, умоляю, и согрейте так, как вы умеете это делать» [Там же, с. 97].

Первый ряд «приютите и согрейте» составлен из глаголов в повелительном наклонении. При этом семантическая наполненность глагола «приютите» такова, что сюда «вбирается» часть семантической структуры глагола «согрейте». «Приютите» уже само по себе подразумевает «согрейте». Повтор семы «согрейте» усиливает просьбу, мольбу о помощи. Отсюда и эмоциональность этой фразы, принадлежащей матери персонажа. Чего нельзя сказать о втором примере. Это не абсолютно бесстрастный рассказ участника неких событий об увиденном.

Несколько иной смысл приобретают конструкции с несобственно-прямой речью. «Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи – ого-го... и на сцену» [Там же, с. 59].

Это размышления Шервинского о своей судьбе. В ряду однородных сказуемых второй глагол «идет на сцену» элиминирован, что, помимо других членов предложения, приближает все высказывание к разговорному стилю. Значение нереальности названных событий позволяет отнести данную конструкцию к группе изображения виртуального мира героя.

Говоря о группе полипредикатных конструкций с виртуальным значением, необходимо учитывать специфику целого текста. Так, в романе «Белая гвардия» довольно большие отрезки текста содержат описания сновидений персонажей или их горячечный бред. Значение ирреальности здесь можно определить только в контексте, так как сами конструкции с сочиненными рядами сказуемых ничем не отличаются от аналогичных им, со значением актуальности.

Например, сон Турбина: «Вахмистр рассмеялся и возбужденно и радостно взмахнул руками» [Там же, с. 62]. Или, «Юлия прошла и поманила и засмеялась» [Там же]. Или, сон Елены: «Он вынул из кармана огромную сусальную звезду и нацепил ее на грудь с левой стороны» [Там же, с. 98].

Во всех трех случаях перед нами сочиненные ряды сказуемых, где дается определенная последовательность действий. То, что данные действия в действительности не происходят, из самих конструкций никак не следует.

Более прозрачна ситуация, когда в описание сна включаются высказывания «участников» сновидений. «А за ним немного погодя неизвестный юнкерок в пешем строю, – тут вахмистр покосился на Турбина и потупился на мгновение, как будто хотел что-то скрыть от доктора, но не печальное, а, наоборот, радостный, славный секрет, потом оправился и продолжал: – Поглядел Петр на них из-под руки и говорит: “Ну, теperича, зреет, все!..”» [Там же, с. 62].

Здесь один ряд «покосился, потупился, оправился и продолжал» имеет значение виртуальности, так как это описание сна, а вот другой ряд – «поглядел и говорит» – это виртуальное в виртуальном. Как видим, все действия описываются детально, во всех подробностях.

Самая немногочисленная группа – та, в которой смешаны значения актуальности и виртуальности. Пожалуй, мы назвали бы эту группу самым ярким приемом автора в достижении им цели – показать состояние персонажа, которое можно было бы назвать пограничным: «...Стрелка, благодаря надежде на искусство толстого золотого (врача – прим. автора – С. К.), разошлась и отчаянно висела на остром подбородке» [Там же, с. 76].

Это не описание сна или бреда. Это видение окружающего тяжело больным Турбиным. Отсюда необычное использование глаголов-сказуемых «разошлась и отчаянно висела» по отношению к субъекту – часовой стрелке. Здесь явно имеет место перенос значения глаголов, и при этом самому читателю довольно сложно представить, что же видит вокруг себя больной тифом Турбин. Или: «...Свеча то мерцала на столе, то ходила вокруг Турбина» [Там же, с. 78].

Данный пример мы отнесли к смешанной группе, так как здесь в авторской передаче рисуется также видение окружающего больным.

Таким образом, выделенные три группы среди полипредикатных рядов в основе деления имеют отношение событий, названных глаголами-сказуемыми, входящими в однородный ряд, к способам отражения действительности и к самому характеру отражаемых фактов действительности, что, на первый взгляд, может

показаться чересчур избыточным. Но информативная избыточность совсем не является таковой в художественно-изобразительном плане. В большинстве случаев у М. А. Булгакова один из сочиненных предикатов легко элиминируется без ущерба для понимания представленной автором информации о ситуации (например, глагол физического положения тела персонажа, один из синонимичных глаголов и т.п.). В других случаях оба глагола могут быть обязательны, ибо они только в совокупности отражают либо динамику действий, либо их длительность, либо представления персонажа, часто нереальные.

Читая произведение, мы можем создать визуальный образ в соответствии с теми чертами внешности, которые приписал ему автор. Получаем возможность зрительно представить себе серебро на черном фоне, описываемое художником слова, представить себе приятное ощущение тепла от горящего костра, т.е. физические ощущения персонажа, вообразить описываемый автором стук дождя об оконное стекло, скрежет колес об асфальт, раскаты грома, т.е. звуковую репрезентацию. Мы можем по воле автора представить аромат духов, молока и пр., но мы не можем представить себе тех процессов ментальной и эмоциональной деятельности, которые писатель приписывает себе или своему герою.

Отсюда стремление автора не только описать внутренний мир героя, его переживания, рассуждения, но и представить его как живое лицо в физическом смысле. Отсюда, видимо, тенденции в языке любого писателя – сочетать в одном предложении глагольные наименования сразу двух действий – физического и интеллектуального, независимо от того, виртуальный или актуальный мир изображен в тексте.

Всем этим особенностям соответствует язык М. А. Булгакова, в частности, мы обнаруживаем соответствие использования конструкций с сочиненными рядами глаголов-сказуемых тем задачам воздействия на читателя, его внутренний мир, которые автор ставит перед собой.

В языке произведений писатель отражает не только свое стремление к наглядной образности, но и умение отразить во всем разнообразии внутренний мир героев в его ментальных, эмотивных, модусно-оценочных проявлениях.

М. Булгаков с помощью использования сочиненных рядов глаголов-сказуемых дает представление о действиях персонажей в динамике развития, в диалектике их «мерцания», присутствия и исчезновения.

Автор активно ориентируется на разные факторы восприятия действительности персонажем – слуховые, зрительные, осязательные, что и проявляется в семантике сочиненных глагольных рядов. Особенно часто М. Булгаков апеллирует к зрительным представлениям персонажа и читателя.

Разнообразны и семантико-синтаксические отношения между сочиненными глаголами. Однако наиболее распространенным является союз «и», максимально выражающий идею сходства и органического единства семантики сочетающихся глаголов, которые представляют собой синтаксические омонимы с полипредикативными сложносочиненными предложениями, где отсутствует дубль-подлежащее. Но омонимия эта проявляется на наиболее высоком уровне абстракции моделей данных структур, которая разрушается уже на уровне лексического содержания сочетающихся глаголов, и показателем их деомонимизации служат парадигматические отношения сочиненных лексем.

Булгаков чаще всего употребляет первые из сочиненных омонимичных структур, ибо они в силу семного повтора в сочетающихся синонимичных, антонимичных, гипонимичных глаголах наиболее приспособлены для экспрессивно-образных целей художественного текста.

Сочиненные ряды глаголов-сказуемых у Булгакова различаются по степени информативной необходимости присутствия всех глаголов ряда. Можно выделить:

1) ряды, где один из глаголов практически ничего не добавляет к информации, содержащейся в другом: «Он лежал и молчал». Глагол со значением физического положения тела персонажа информативно избыточен и его употребление служит лишь целям большей наглядности изображаемого;

2) ряды, где синонимичные глаголы служат усилению друг друга, но каждый из них информативно достаточен;

3) ряды, где глаголы в совокупности обозначают одно действие (антонимы, конверсивы) и информативны лишь в совокупности;

4) ряды, где глаголы иконично отражают хронологическую последовательность действий персонажа, наименования которых могут быть заменены названием одного сложного действия. Употребление таких рядов свидетельствует об авторском дискретном представлении действительности.

Как мы видим, употребление рядов сочиненных глаголов-сказуемых почти всегда информативно избыточно, и тот же смысл может быть представлен одним глаголом. Однако художнику слова мало достаточной информативности высказывания: он стремится к наглядной образности, актуализированной передаче смысла, к дискретному изображению поведения персонажа. Использование полипредикатных моносубъектных конструкций преследует цель максимальной экспликации представляемого в тексте образа ситуации, а также актуализации тех или иных ее компонентов.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Голос, 1995. Т. 4. Белая гвардия. 720 с.
2. Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р. М. Фрумкина. М.: Наука, 1989. С. 8-18.
3. Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1992. 72 с.

**REFLECTION OF ACTUAL AND VIRTUAL REALITY BY MEANS
OF THE COMPOSED RANKS OF VERBS PREDICATES
(ON MATERIAL OF THE NOVEL OF M. A. BULGAKOV "WHITE GUARD")**

Kletskaya Svetlana P'ichna
Southern Federal University
kleckaja@inbox.ru

In article attempt to correlate the composed ranks of verbs predicates to a certain type of reality in system of the art text, M. A. Bulgakov's novel "White Guard" and to reveal degree of informative redundancy of the considered polypredicative constructions becomes.

Keywords and phrases: the composed ranks of verbs, actual and virtual reality, polypredicate constructions, monosubject part-sellirovanny constructions, M. A. Bulgakov's prose.

УДК 81=111

Филологические науки

Данная статья посвящена анализу репрезентации метафор «отец» и «мать» в жаргонах различных социальных групп. Целью данной статьи является изучение взаимосвязей между архетипами и социальными концептами. Исследование доказывает, что социальные концепты, образовавшиеся в процессе метафорического переноса содержания из архетипов «отец» и «мать», обладают набором стабильных признаков вне зависимости от типа социальной картины мира, к которой они относятся. Авторы приходят к выводу, что архетипы оказывают непосредственное влияние на процесс построения социальной картины мира, репрезентируемой жаргоном.

Ключевые слова и фразы: когниция; концепт; концептуализация; язык; метафора; архетип.

Клюкина Юлия Викторовна, к. филол. н.

Шиповская Анна Анатольевна, к. филол. н.

Тамбовский государственный технический университет
shelska@narod.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПОВ «ОТЕЦ» И «МАТЬ» В СОЦИАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА©

Концепт как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90], находит выражение в языковых знаках и благодаря этой способности становится объектом изучения в когнитивных исследованиях. Исследование содержания концептов «отец» и «мать» является на сегодняшний момент одной из наиболее популярных тем при анализе национальной картины мира. Под этим термином в данной статье вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы будем понимать «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [16, с. 4]. В свою очередь, нам бы хотелось обратить внимание на архетипический характер упомянутых концептуальных единиц и, в противовес исследованиям фразеологизмов, пословиц и поговорок, репрезентирующих данные концепты на уровне национальной картины мира, обратиться к жаргону как языку социальной группы, содержащему много отличных от общего языка, в том числе условных, слов и выражений, отражающих вкусы и потребности определенной группы, с тем чтобы на основе небольших социальных картин мира проследить закономерности категоризации в рамках указанных концептов.

В настоящее время ученые в области когнитивной лингвистики уделяют большое внимание метафоре как одному из средств изучения процессов категоризации. В данном исследовании мы понимаем под метафорой «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия <...> и может рассматриваться как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме» [6, с. 55].

На основе анализа жаргонов разных социальных групп, а именно: медицинского, блатного, экономического, армейского, а также жаргона наркоманов, было обнаружено, что одной из областей заимствования при переносе понятия власти в социальную картину мира является концептуальная область «семья», в частности концепты «отец» и «мать».

Ученые, занимающиеся изучением репрезентации данных концептов в различных языках, едины во мнении относительно тождественности основного содержания концептов «отец» и «мать» независимо от культуры, к которой они относятся, что подтверждает архетипический характер данных концептов. Как известно, архетип представляет собой «первобытный образ, персонаж или модель, который повторяется в литературе и мышлении достаточно постоянно, чтобы считаться универсальным понятием» [18, с. 6]. Так, в содержание архетипов «отец» и «мать» входит обладание авторитетом; руководство коллективом, состоящим из членов семьи; воспитание; ответственность за принятие решений, касающихся всей семьи; забота о наличии всего жизненно необходимого для своих детей [3; 5; 12; 19].